

УДК 94(=161.2):930(477)“193”-054.72(045)

Е.Н. Дербин

ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСУ «ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ... И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ» В УКРАИНСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА 1930-х гг.

В статье анализируется дискуссия по вопросам формирования украинской нации, состоявшаяся по инициативе Украинского историко-филологического общества в Праге в начале 1930-х гг. и связанная с критикой взглядов Мирона Кордубы. Выявлены идеологические, а не научные позиции противников Кордубы. Выяснен ход дискуссии и ее этапы. Установлено, что у Кордубы были сторонники в среде украинских историков, а не только противники. Украинская эмигрантская историография, сконцентрированная в то время в Чехословакии, Германии и Польше, демонстративно попыталась выступить единым фронтом с точкой зрения, что украинская нация сформировалась уже в составе Киевской Руси и что история древнерусского государства принадлежит только украинцам. По мнению Кордубы было общерусское государство и единая культурная сфера восточных славян, в древности, когда нации еще не сформировались. Он считал, основываясь на исторических фактах, что украинцы как отдельная нация возникли в XIV в. в составе Литовского государства.

Ключевые слова: украинская эмигрантская историография, Украинское историко-филологическое общество в Праге, М.М. Кордуба, Киевская Русь, формирование украинской нации.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-55-64

Прежде чем излагать означенную тему, посвященную вопросам восточнославянского этно- и политогенеза как они представлены в украинской эмигрантской историографии, где в начале 1930-х гг. по ним состоялась большая и неординарная дискуссия, хотелось бы вспомнить Игоря Яковлевича Фроянова (1936–2020), память которого мы сегодня чтим. Некоторые исследователи упрекают И. Я. Фроянова в игнорировании им зарубежной историографии. Это, конечно так, однако именно ему до сих пор принадлежит самый полный историографический обзор рассматриваемой истории древнерусской народности [19, с. 6–29]. Поэтому важной задачей является дополнить данную историографию разбором именно зарубежной исторической науки по изучаемым проблемам, прежде всего эмигрантской.

Дискуссия, о которой пойдет речь, конечно, уже изучалась в украинской историографии, в русскоязычной же литературе о ней ничего нет. Специально этим вопросом занималась известный украинский историк Наталья Николаевна Юсова (1972–2008) [27–30]. Однако сразу бросается в глаза, что в ее представлении данная дискуссия выглядит как некая академическая, научная, где просто излагаются мнения сторон. В то время как их идеологическая и мировоззренческая стороны не подвергаются существенному анализу. Они же здесь были главным движущим началом, которое и привело к невероятному накалу страстей, к буре уровня «догматически-религиозных споров XVI–XVII вв.», как выражались сами участники [12–13]. Поэтому первой задачей является показать именно эти стороны. Второе упущение Н. Н. Юсовой — это пристальное внимание только к главным участникам спора, тогда как второстепенные голоса, так сказать свидетели не учитываются. Их же реакция дает понимание об истинном состоянии историографии того времени и многое объясняет, в том числе мировоззренческие моменты. Ведь споры велись и в Праге, и в Берлине, и в Варшаве, и в Париже, и в Белграде, и в Львове — во всех главных центрах украинского рассеяния. Поэтому второй задачей является, по возможности, выявить и рассмотреть мнения как можно большего числа участников дискуссии. Наконец, третья задача — это проследить ход дискуссии хронологически, обозначив ее этапы. Ибо только так можно понять некоторые высказывания оппонентов, являющихся прямой реакцией друг на друга.

Итак, 11 и 18 ноября 1930 г. на двух заседаниях Украинского историко-филологического общества в Праге состоялась дискуссия под названием «Откуда есть пошла Руская земля... и откуда Руская земля стала есть» [14]. Название дискуссии впоследствии многими признавалось неудачным, ибо речь в данном вопросе должна была бы вестись об образовании государства Русь, а велась в основном о проблемах этногенеза украинцев [5; 24]. Важно также отметить, что первое дискуссионное заседание для Украинского историко-филологического общества, образованного в Праге в 1923 г., бы-

ло юбилейным — двухсотым и ассоциировалось с некоей неофициальной Украинской академией наук в сфере гуманитарного и общественного знания в эмиграции, включавшей на тот момент 56 членов из разных стран [15¹]. Инициатором дискуссии и ее ведущим докладчиком стал украинский языковед (языковед — это важно, не историк) Степан Иосифович Смаль-Стоцкий (1859–1938), а направлена она была против небольшой статьи Мирона Михайловича Кордубы (1876–1947) под названием «Наиважнейший момент в истории Украины», опубликованной в июньском номере «Литературно-научного вестника» за 1930 г. — одного из крупнейших и популярнейших журналов украинства, издававшихся во Львове. Автор статьи на заседании не присутствовал, то есть дебаты велись односторонние. Мирон Кордуба, выдающийся украинский историк, из числа первых учеников М.С. Грушевского, на тот момент профессор восточноевропейской истории Варшавского университета, выход своей статьи объяснял участием во Всемирном конгрессе историков в г. Осло, на котором национальный вопрос занимал первое место. Задавшись вопросом, когда сформировалась украинская нация, как наиважнейшим моментом в истории Украины, он пришел к выводу, что «таким моментом являлось оторвание юго-западных русских территорий от связи с другими русскими землями и объединение их в Литовском государстве во второй половине XIV в.

Славянские племена, которые встречаем в Восточной Европе на рассвете нашей истории, — пишет Кордуба далее, — ... представляли собой завязки отдельных этнографических групп. ... И нет никакого сомнения, что оставленные сами по себе ... путем естественной эволюции могли бы развиваться на столько же отдельных славянских народностей. Но помешало этому образование русского государства. Русское государство, объединяя все эти восточнославянские племена в один общий, политический организм, остановило их развитие в направлении этнического обособления, а принятие христианства с его централизованной церковной организацией с киевским митрополитом во главе и введение староболгарского языка, как общелитературного, сковали все эти племена еще сильнее вместе. Общее государство, общая вера и общий литературный язык становятся мощными устоями, на которых строится одна, общая, общерусская, еще не нация в полном смысле этого слова, но, скажем, культурная сфера. И хотя, после смерти Ярослава Мудрого, Русское государство распадается на все больше отдельных княжеств, но идея политического единства через это не утрачивается, находя себе выразитель, символ, в общности династии, потомков кн. Владимира Святого, а частые перемены князей, их переходы в основном вместе с дружинами с одного княжеского стола на другой, не дают развиваться местным партикуляризмам. Тем более, что оба других объединяющих фактора, церковная организация и литературный язык, остаются дальше в полной силе.

Только около середины XII в., — по мнению Кордубы, — когда образуются два сильнейшие, новые политические центры на двух противных концах великой Руси, в которых развивается местное боярство и закрепляются отдельные династии потомков Владимира Святого, ... на юго-западе, в Галиче, другой на северо-востоке, во Владимире на Клязьме. Полнейший упадок Киева, древнего, объединяющего целую Русь центра, помогает дальнейшему развитию сего политического дуализма на Руси» и приводит к завязке двух будущих народов. Но «нападение монголов прервали сей процесс и не дали ему завершиться». Затем к концу XIV в. все украинские и белорусские земли отошли к Литве. По обеим сторонам границы появляются отдельные мировоззрения, отдельные психики. Все эти факторы, собранные вместе окончательно приводят к тому, что давняя политически, церковно и культурно единая Русь раскалывается на две отличные части. При этом население украинских и белорусских земель, считает Кордуба, творило тогда одну общую этническую целостность. «Поэтому не может быть никакого сомнения, — замечает он, — что если бы Литва Гедимина и Ольгерда не захватила б юго-западной Руси, сделала бы это на несколько десятков лет позже Московщина. Тогда отстроилась бы Древняя Русь, вернула бы прежнее политическое единство, удержалась бы сплошная организация церкви, осталась бы культурная общность. ... Тогда нынешняя этнографическая карта Восточной Европы выглядела бы совсем иначе. Не было бы трех русских народностей, только одна. Мог бы заметить, что все же остались бы диалектические различия между велико-, мало- и белорусскими говорами, которые, развиваясь все дальше, со временем довели бы до разделения на отдельные нации. Но такое предположение очень маловероятно. История показывает, что язык, хотя и является важным фактором в создании наций, но не единственным, и даже не важнейшим, что существуют еще и другие факторы, которые имеют более решающее влияние на развитие этого процесса, а имен-

¹ Здесь же имеется библиография дискуссии [с. 5–8].

но уклад политических отношений и в связи с этим общность или разность исторического прошлого и традиций, религиозно-церковные дела и культурные влияния. Языковые различия между народными говорами единичных германских племен кое-где большие, чем между единичными славянскими языками, а все же немецкая нация осталась одна, неделимая, благодаря политическому объединению в тысячелетней «Римской Империи немецкой нации» (Römisches Reich deutscher Nation) и совместно созданной культуре».

Таким образом, заключает Кордуба, «все эти примеры подтверждают нам, что решающим фактором в образовании украинской и белорусской нации был захват в XIV в. юго-западных русских земель Литвою и перенос живущего в этих землях населения в новые политические, церковные и культурные условия, в новое, отличное от древнего, основание. Оно дало решающий толчок к созданию отдельной, сначала украинско-белорусской, затем украинской нации — и поэтому мы считаем этот момент за наиважнейший в украинской истории» [8].

Данные тезисы Кордубы вызвали в Праге дикую истерику, иначе не скажешь. На заседаниях Украинского историко-филологического общества под председательством историка искусства Д. В. Антоновича тогда выступили упомянутый выше языковед С. И. Смаль-Стоцкий, молодые историки С. П. Нарезный и А. В. Феденко, юристы А. М. Андриевский и С. П. Шелухин, филологи М. А. Славинский, К. В. Чехович, Ф. П. Слюсаренко, В. И. Симович, а также археолог В. М. Щербаковский. Сам состав диспутантов говорит о многом, но особо необходимо отметить отсутствие среди них специалистов по древнерусской истории, хотя таковые были в среде украинских эмигрантов в Праге. Может быть, вследствие этого в ходе дискуссии ни один из участников так и не смог привести ни одного исторического факта, подтверждаемого историческими источниками, в пользу своих выводов.

Для инициатора дискуссии Смаль-Стоцкого Киевская Русь была сложившимся украинским государством, а не общерусским. Причем он указывает как факт, что оно объединило изначально только отдельные племена полян, древлян, северян, волынян, тиверцев и уличей «в один общий политический, а также в один этнический, культурный и экономический организм ... в одну нацию в теперешнем того слова значении». Предпосылки для этого, по его мнению, вызревали 400 лет. Другие племена восточных славян были впоследствии завоеваны Киевской Русью, то есть украинцами, а «очень короткое политическое единство» при Владимире Святом «еще не означает этнического, культурного и экономического единства». После смерти Ярослава Мудрого «уже и о таком единстве ... речи быть не может». Далее Смаль-Стоцкий категорически отрицает всякую возможность того, что земли, вошедшие в состав Киевского государства, «прониклись одним национальным духом, созданием общих интересов». Он проводит резкую антитезу между интересами Киевской Руси и северных земель. Якобы известно из истории, что между ними с древнейших времен была «нелюбовь — чтобы не сказать ненависть». По Смаль-Стоцкому, на севере жили не «русичи» или «русины», а «только русские», то есть те, что «принадлежали к Руси», покоренные ею и как завоеванные короткое время платили ей дань. Поэтому они «не чувствовали жадного единства с Киевской Русью». Напротив, в последней «между ближайшими и уже издавна объединенными племенами создалось поистине тесное и полное единство ... чувство общих интересов». Это чувство единства сохраняется и в период раздробленности, ибо князья отдельных южнорусских земель «всегда ... считали себя союзными князьями великого князя киевского». Вот это и была, согласно утверждению Смаль-Стоцкого, «Русь и русская Земля». Здесь и создалось на протяжении нескольких веков общее политическое, духовное и культурное единство, «то, что мы сегодня назвали б русской или украинской нацией». Далее филолог категорически отвергает «централистскую организацию церкви» и существование «общерусского литературного языка» на Руси. Он без аргументов утверждает, что древний литературный язык в Киевской Руси был по произношению украинский и не правы российские ученые, которые присваивают русскому языку этот древний период. Вообще, Смаль-Стоцкий на протяжении всего своего выступления склоняется к простой мысли, что во всем виновата российская историческая наука (сам при этом постоянно ссылается на труды русских историков). Украинская же наука не имеет права принимать чужие теории за свои и «повторять бездумно все ее безосновательные тезисы как якобы научную правду». Кордуба, таким образом, априори обвиняется в распространении чуждой исторической идеологии и чрезмерной зависимости от российской науки [14, с. 1–7].

Комментировать абсурдность и заидеологизированность данных взглядов сейчас не приходится. Это хорошо сделал уже тогда известный эмигрантский публицист князь Александр Михайлович Волконский (1866–1934) в книге «Имя Руси в домонгольскую пору» (1929). «Смысл исторического

исследования до наших дней», замечает он, основывался на свидетельствах современников, «но появились украинские “историки” и показали нам новый “исторический метод”. Этот метод ведет не от прошлого к настоящему — его направление обратно». Украинские «историки» задались целью переделать прошлое. «Их чернила густо окрашены украинской краской; они ими без стеснения вычеркивают и в летописях, и на географических картах нежелательное им русское имя и заменяют его именем украинским» [2, с. 5–6]. Это хорошо показали другие участники пражской дискуссии, которые принялись спорить о понятии «нация» в плане применимости его к древним этносам. Придя к заключению, что в науке устоялось мнение о «нации» как явлении новейших времен, они сами в ходе своего изложения отрицали это, утверждая без доказательств, что Киевское государство было «первым национальным украинским государством». То есть фактически признавая, подобно Смаль-Стоцкому, существование «украинской нации» в древнерусскую эпоху, а начала ее предлагали искать даже в праславянской эпохе [14, с. 15–17, 20–23].

Продолжением дискуссии, начатой в Праге, её вторым витком, стала полемика в ведущей украинской общественно-политической газете «Дело», издававшейся во Львове, и продолжавшаяся с декабря 1930 г. по март 1931 г., к которой присоединились публикации и в других изданиях. Инициатором ее Константин Чехович (1896–1987), посчитав, что вопрос о начале украинской нации столь важен, что результаты «дискуссии должны выйти за узкие рамки пражской научной среды». Эти результаты еще не были опубликованы и, главное, неизвестны Кордубе, поэтому Чехович, пересказав лишь свое видение, хитро выдал его как общий итог всех выступлений. По его мнению, «все выступающие держались действительных исторических фактов и с доктором Кордубой не могли согласиться. Старое Киевское государство — это было государство украинское и только оно называло себя тогда именем “Русь”. ... Термином “Русь”, “русичи”, называли в те времена то же, что мы ныне называем термином “Украина”, “украинцы”. И про более поздние времена нельзя говорить, что украинские земли “оторвались” от “других русских земель”, то есть от общности, объединяющей всех восточных славян, потому что такой общности никогда не было. Украина, под своим собственным старым названием Русь, вошла в состав Литовского государства и благодаря своей высшей национальной и культурной зрелости занимала в нем доминирующее положение. ... Украинская нация сформировалась уже в старом Киевском государстве, уже тогда достигла она высокого уровня своей зрелости (национальной и культурной). ... Самых начал создания украинской нации надо, очевидно, искать в еще более давних временах, перед образованием Киевской Руси, даже в т.н. праславянской эпохе». Но эти голословные утверждения Чеховича здесь не главное. В его риторике активизировались прямые обвинения Кордубы в том, что он проникся политической «идеологией “общерусского” единства», «идеологией российского империализма», упорно распространявшейся в российской науке при ее навязывании государством. «С украинского национального положения надо еще добавить, что для нас такие мысли вредны, потому что убивают у нас всякую самостоятельную мысль, набрасывая нам готовые формы чужой национально-политической идеологии», — заключает Чехович [22]. На это Кордуба сразу же убедительно ответил, ссылаясь, в отличие от своих оппонентов, на исторические источники, искренне не понимая, почему правдивые данные науки вредны [9]. Но его объяснения никак не могли переубедить пражскую украинскую диаспору, принявшую публицистический тон и повесившую на историка ярлык русофила, фальсификатора в русском духе и т.п., «заблудившегося в сфере российской тенденциозной науки» [23]. В итоге Кордуба отказался от дальнейшей полемики, если она будет носить ненаучный характер [10].

Но ситуацию спасло выступление в той же газете историка права Николая Дмитриевича Чубатого (1889–1975) с большой статьей, где он предложил, основываясь на историческом материале, свое видение украинского политогенеза и тем, по мнению Кордубы, вернул полемику в спокойное научное русло [12]. По Чубатому, Киевская Русь не была лишь украинской, как считала пражская сторона дискуссии, и захват южнорусских территорий Литвой не создал украинской нации в XIV в., как утверждал Кордуба. Оказывается, украинский этногенез начался после смерти Ярослава Мудрого, так как до этого был лишь родоплеменной строй, в котором племена не чувствовали своей общности (общим было лишь государство и церковь), а «закончился с моментом образования Галицко-Волынского, на деле первого чисто украинского государства» в конце XII в. Представив многозначное понимание в древности термина Русь, автор считал, что в XII–XIII вв. оно утверждается только за южнорусскими землями, то есть за Украиной [24]. Но Чехович, выступавший от имени пражских украинистов, мнение Чубатого также признал логически неверным. Если первое украинское государст-

во галицко-волынское, то выходит до этого «мы вместе с россиянами творили один общий национальный организм и только позже от этого единства “откололись”». И делает опять вывод: «Да есть ли для этого какие-нибудь научные доказательства? Нам кажется, что кроме известной нам всем тенденциозной теории российской (и русофильской) науки, которая подпала под влияние российской национально-политической идеологии, никакой иной основы для утверждения о какой-то „прарусской” или „общерусской” общности нашей с россиянами вообще нет» и украинской науке необходимо дальше бороться с такими «враждебными политическими тенденциями на поле науки» [20].

Поспорив еще с Чубатым и не признав его мнение, главным образом, на основании того, что нации так быстро не образуются [12; 26], Кордуба, наконец, получил возможность после публикации пражской дискуссии ответить всем оппонентам сразу. В мае 1931 г. он выступил с большой статьей под названием «В защиту исторической правды» на страницах «Литературно-научного вестника» и начал третий этап дискуссии. Перед тем в апреле к полемике подключился живший в Варшаве и активно трудившийся на ниве журналистской критики своеобразный молодой украинский историк Вячеслав Михайлович Заикин (1896–1941). В своей обстоятельной статье «Русь, Украина и Великороссия (Начала украинского и великорусского народа)», опубликованной в львовском журнале «Дзвони», встав на сторону пражских оппонентов Кордубы, он доказывал невозможность существования национального единства всех восточных славян, единого русского народа в IX–XIII вв., приводя достаточно спорные факты об отсутствии государственного и религиозно-культурного объединения Руси [4]. Не буду приводить ответ Кордубы, в целом легко опровергающий историческими фактами все тезисы оппонентов и оставшийся при своих изначальных взглядах [5; 11]. Гораздо важнее отметить, что противную сторону исторические факты и не волновали, их спор чем дальше, тем больше носил сугубо идеологический характер. Показателен в этом отношении ответ Смаль-Стоцкого на статью Кордубы «В защиту исторической правды». Цитирую: «Я глубоко убежден, что если бы Кордуба был между нами и видел нашу искреннюю, серьезную работу, ... то и он дал бы себя наконец таки убедить... Когда-то и нас учили всяких “правд” и требовали от нас, чтобы мы их признавали, если мы не хотели, чтобы нас считали невеждами. Но как мы сами начали научно работать и исследовать правду, то не одна из тех “правд”, которую мы должны были признавать, показалась неправдой, одетой только в невинную одежду правды. Богато такого мы испытали и в языкознании, и в литературоведении, а также и в истории. Поэтому все то, что в науке относится к украинскому народу, должны мы сами как самое подробное проверять, а не спускаться на те правды, которые нам чужие ученые подают к верованию, потому что при лучшей воле чужак не в силе того всего знать так, как мы это знать можем». И далее, Смаль-Стоцкий обвиняет во всем киевских летописцев и правящие слои конца XI — начала XII в., которые не излагали правды, а с их идеологической точки зрения воплощали мечты о единой Руси и господстве над всеми восточнославянскими племенами, а потому яко бы искажали источники, повествуя о князьях и их походах, преувеличивали значение торгового пути «из варяг в греки» и могущественной киевской державы, то есть сочинили идею единой Русской земли. Ссылаясь при этом на то, что это доказали А. А. Шахматов и В. А. Пархоменко. После такой железной логики, можно, конечно, сочинять за летописца какую угодно историю. Например, оказывается, что «в действительности в XI–XII вв., во времена силы и значения киевского княжества (спянного одним русским, то есть украинским народом), несколько восточнославянских племен были совершенно изолированы от Киева и жили вполне отдельной жизнью», лишь соединенные с Киевской Русью вассальной зависимостью. И далее он открыто заявляет, что «наука должна отрицать всякие “притязания” Московщины на Киевскую Русь как на свое добро, ибо они совершенно ничем не оправданы, необходимо поставить своей задачей, подробным анализом всяких источников показать, что сама московская или российская народность далеко позже сформировалась», обязана своим значением использованием культурным достоянием Киевской Руси, то есть Украины, которая еще долго до XVIII в. преобладала в своей высшей культуре. «Старая Киевская Русь принадлежит полностью только украинцам, что никто не имеет к ней права кроме украинцев, что это произведение их духа», их исключительная собственность [16].

В 1931–32 гг. дискуссия возобновилась в четвертый раз, теперь на страницах польского журнала «Национальные вопросы», издававшегося в Варшаве Институтом по делам национальностей. Здесь была опубликована полемика Кордубы с белорусским языковедом Яном Станкевичем (1891–1976), близким пражскому кругу украинистов [7; 17]. В статье «Время возникновения народов белорусского и украинского (В ответ проф. д-р М. Кордубе)» Станкевич пытался доказать возникновение

обеих национальностей, украинской и белорусской, еще в доисторические времена. В 1933 г. Кордуба, в продолжение полемики со Станкевичем, выступил еще на 7-м международном конгрессе историков в Варшаве с докладом «Возникновение украинской нации», где повторил свои прежние взгляды [1; 6]. На этом дискуссия и завершилась, но украинские историки-эмигранты будут обращаться к ней в своих работах вплоть до 1980-х гг., тем самым, демонстрируя себе важность ее итогов, где каждый остался при своем.

Создается впечатление, что в этой полемике Кордуба был один против всех. Однако это не так. Например, в 1932 г. во львовском альманахе «Записки Чина св. Василия Великого» появилась почему-то никем не замеченная рецензия на публикацию пражской дискуссии принадлежащая начинающему тогда историку Теофилю Петровичу Кострубе (1907–1943), открыто поддерживавшему выводы Кордубы и оспаривавшему позиции его оппонентов. Прежде всего, Коструба удивляется, почему взгляды Кордубы вызвали такую неожиданную бурю, в то время как подобные ему мысли С. Томашевского и В. Липинского не имели в свое время острого отголоска. И делает предположение: потому что Кордуба озвучил их в форме отдельной статьи. Полагаю, что форма здесь не причём. Обострение пражских украинистов скорее всего связано с деятельностью в это время в Праге общества «Единство», которое ставило своей целью пропаганду общенационального единства трех русских народов, имело свое издательство и периодику². Взгляды же Кострубы сводились к тезису, что «реальной национальной целостности древняя Русь не творила, а творила лишь идейную» или, как сказал Кордуба, «культурную сферу». «Идея [единой] Руси, что вышла из Киева, столицы Владимира и Ярослава, существовала в умах высших слоев, ... Это была идея, что думалась территориально и государственно, а не национально». В древней Руси в действительности же «существовал партикуляризм», и «не политический дуализм» севера и юга, а «плюрализм» отдельных земель. «Украинские» черниговцы вместе с «московскими» сюзальцами успешно резали «украинских» киевлян, а те в свою очередь «украинских» галичан. И никто не считал это национальным преступлением. Отношения между всеми землями, «как доказывает Леонтович, соответствовали типу международных или межгосударственных сношений, а не внутренне-государственных». Известного историка русского права, профессора Ф. И. Леонтовича (1833–1911) здесь Коструба вспомнил не случайно. Он считает большим упущением, что противоборствующие стороны не вспоминают его работу «Национальный вопрос в древней России» (Варшавские университетские известия. 1894. № IX; 1895. № I) — основной на тот момент по-настоящему исторический труд по рассматриваемому вопросу [13].

В заключение приведу важную, на мой взгляд, историю из жизни участников дискуссии. В 1945–46 гг. во Львове советские партийные функционеры провели ряд акций идеологического характера, направленных на «усмирение» местной интеллигенции. Одной из важных в глазах власти площадок, на которой реализовывался этот план советизации западноукраинских земель, стал Львовский государственный университет, в котором после возвращения из Варшавы работал Кордуба. По инициативе партийной организации вуза был утвержден тематический план докладов по истории Украины, что предполагало всестороннюю критику «буржуазно-националистических концепций», основой которых считалось наследие М. С. Грушевского. По замыслу, на пленумах кафедр университета с критикой в первую очередь должны были выступить те ученики ученого, которые работали в университете — Иван Крипьякевич и Мирон Кордуба. От них ожидалось не только поношение имени Грушевского, но и привычное тогда раскаяние в следовании идеям учителя. В этой своеобразной инсценировке Кордубе была определена темой его доклада критика древнерусской концепции автора «Истории Украины-Руси». В итоге он выступил с докладом «Михаил Грушевский как исследователь княжеской эпохи истории Украины», в котором его учитель был показан выдающимся украинским историком, авторитетным исследователем прошлого Киевской Руси и новатором-концептуалистом,

² В газете «Единство» за 20 марта 1931 г. можно найти такое сообщение: «14 марта в Бюро партии “Крест. России” состоялся очень интересный и хорошо разработанный доклад прив.-доц. Панаса на тему “Новейшие сдвиги в украинском движении”. Центром тяжести первой части доклада, определяющей идеологический момент, было одобрительное выдвигание гипотезы украинского исследователя Кордубы. Последний, в противовес непримиримости украинских сепаратистов, отмечает неосновательность отрицания общности в прошлом между великорусской и малорусской ветвями русского народа. Разделяя это мнение, докладчик лишь возражает против даты обострения великорусско-малорусского спора, не оправдывая выпадов против этой выдвинутой теории укр. ученых» [3]. Однако в целом в среде русской эмиграции данная дискуссия особого интереса не вызвала, что отмечалось и в данной заметке.

признанным со стороны известных польских, немецких и российских коллег. Единственный упрек в адрес взглядов Грушевского был в том, что тот рассматривал Киевскую Русь как историю только украинского народа и не признавал феодализма. То есть Кордуба, понимая, что его правда может стоить ему дорого, не отказался от нее. И действительно, началась травля ученого, его заставили покинуть Львовский университет, у него случился инсульт, и он преждевременно скончался [18].

Для сравнения, Николай Чубатый, также работавший во Львове, с началом войны, в 1939 г. эмигрировал в США. Здесь ему ничего не угрожало. Оказавшись на «свободном» западе, в эмигрантской среде, он легко признал свои взгляды в дискуссии ошибочными, а позиции «историков и языковедов в Праге под предводительством академика Степана Смаль-Стоцкого» правильными. «В свете современной исторической науки, — утверждал Чубатый, — в эпоху Киевской Руси перед нашествием татар, термин Русь имел этническое понимание территории и народа нынешней Украины; северные земли — это аннексии, своего рода колонии Руси. Потому что Русь была доминантной частью и творцом Киевского государства-империи, от половины XI стол. юридическое понятие “Русская земля” распространяется постепенно на целое государство. ... Итак, в тех временах Русь было понятием этническим нынешней Украины, а Русская земля — понятием политическим, государства, созданного Русью, значит Киевской империей. Другое дело, что в потатарском периоде в московском княжестве медленно зарождались политические амбиции освоения земель Руси, и название Русь признавалось там московской династией Рюриковичей и московской письменностью в другом значении, вплоть до принятия царем Петром греческого названия Руси “Россия” для империи, созданной и усвоенной из московского центра, а название “русский” — для членов московского народа» [25, с. 16].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Andrusiak M.* [Рец. на:] Korduba M. Die Entstehung der ukrainischen Nation // Kwartalnik Historyczny: Organ Polskiego Towarzystwa Historycznego. Lwów, 1934. R. XLVIII. Z. 1. S. 121–126.
2. *Волконский А. М.* Имя Руси в домонгольскую пору (Историческая справка). Прага: Издательское об-во «Единство», 1929. 28 с.
3. *Добрынин В.* Об украинском движении // Единство. Прага, 1931. 20 марта. С. 4.
4. *Зайкін В.* Русь, Україна і Великоросія // Дзвони: літературно-науковий місячник. Львів, 1931. Ч. 1. Квітень. С. 19–29; Ч. 2. Травень. С. 122–126; Ч. 3. Червень. С. 206–211.
5. *Кордуба М.* В обороні історичної правди // Літературно-науковий вістник. Львів; Тернопіль, 1931. Річник XXX. Т. CVI. Кн. V: за травень. С. 424–438.
6. *Korduba M.* Die Entstehung der Ukrainen Nation // Contributions à l'histoire de l'Ukraine au VII-e Congrès international des sciences historiques. Varsovie, Août 1933. Léopol, 1933. S. 19–67.
7. *Korduba M.* Kilka uwag w kwestji genezy narodowości białoruskiej (Na marginesie artykułu Dr. Jana Stankiewicza) // Sprawy Narodowościowe: czasopismo poświęcone badaniu spraw narodowościowych. Warszawie, 1932. R. VI. Nr. 2–3. S. 203–217.
8. *Кордуба М.* Найважніший момент в історії України / вступна стаття О. В. Яся // Український історичний журнал. 2016. № 4. С. 173–184.
9. *Кордуба М.* Початки української нації (У відповідь Українському Історично-філологічному т-ву в Празі) // Діло. Львів, 1930. 26 грудня. Ч. 286. С. 2–3.
10. *Кордуба М.* Ще в справі початків української нації // Діло. Львів, 1931. 13 січня. Ч. 8. С. 4.
11. *Кордуба М.* Ще кілька слів у справі «Найважливішого моменту в історії України» (Акад. Степанови Смаль-Стоцькому у відповідь) // Літературно-науковий вістник. Львів; Тернопіль, 1931. Річник XXX. Т. CVII. Кн. X: за жовтень. С. 902–903.
12. *Кордуба М.* Ще про найважніший момент в історії України (До заміток д-ра Миколи Чубатого) // Діло. 1931. 18 лютого. Ч. 36. С. 2; 19 лютого. Ч. 37. С. 2–3.
13. *Коструба Т.* [Рец. на:] Откуда есть пошла руская земля // Записки чина св. Василия Великого. Жовква, 1932. Т. IV. Вып. 1–2. С. 368–371.
14. *Откуда есть пошла руская земля...: Дискусія над питанням: «Откуда есть пошла руская земля ... и откуда роусская земля стала есть»,* переведена на засіданнях Українського історично-філологічного товариства в Празі 11 і 18 листопаду 1930 року. Прага: Українське історично-філологічне товариство, 1931. 30 с.
15. *Річне справоздання* Українського історично-філологічного товариства в Празі. Рік восьмий (1930–1931). Прага: Українське історично-філологічне товариство, 1931. 32 с.
16. *Смаль-Стоцький С.* «Найважніший момент в історії України» // Літературно-науковий вістник. Львів; Тернопіль, 1931. Річник XXX. Т. CVII. Кн. IX: за вересень. С. 786–805.

17. *Stankiewicz J.* Czas powstania narodów białoruskiego i ukraińskiego (W odpowiedzi prof. dr. M. Kordubie) // *Sprawy Narodowościowe: czasopismo poświęcone badaniu spraw narodowościowych.* Warszawa, 1931. R. V. Nr. 4–5. S. 444–453; Nr. 6. S. 601–612.
18. *Тельвак В.* Остання праця Мирона Кордуби про Михайла Грушевського // *Український археографічний щорічник.* Нова серія. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства НАН України, 2020. Т. 26/27. Вип. 23/24. С. 149–152.
19. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 328 с.
20. *Чехович К.* До дискусії про початки української нації // *Діло.* 1931. 14 лютого. Ч. 33. С. 2–3.
21. *Чехович К.* Початки української нації // *Літературно-науковий вістник.* Львів; Тернопіль, 1931. Річник XXX. Т. CV. Кн. IV: за квітень. С. 349–358.
22. *Чехович К.* Початки української нації. З дискусії в Українському історично-філологічному т-ві в Празі // *Діло.* Львів, 1930. 11 грудня. Ч. 275. С. 2.
23. *Чехович К.* Початки української нації (У відповідь д-рові М. Кордубі) // *Діло.* Львів, 1931. 6 січня. Ч. 5. С. 2–3.
24. *Чубатий М.* До питання про початки української нації // *Діло.* 1931. 23 січня. Ч. 15. С. 2–3; 24 січня. Ч. 16. С. 2; 25 січня. Ч. 17. С. 2; 27 січня. Ч. 18. С. 2; 28 січня. Ч. 19. С. 2.
25. *Чубатий М.* Княжа Русь-Україна та виникнення трьох східнослов'янських націй. Нью Йорк; Париж: Видання Організації Оборони Чотирьох Свобід України, 1964. (Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Праці Філософічно-історичної секції; т. 178). 159 с.
26. *Чубатий М.* Ще дещо про початки української нації // *Діло.* 1931. 3 березня. Ч. 47. С. 2–3; 4 березня. Ч. 48. С. 2–3.
27. *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця: ТОВ «Консоль», 2005. 545 с.
28. *Юсова Н.* Міркування Мирона Кордуби стосовно часу і обставин утворення української народності // *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського.* Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. Т. I. С. 197–215.
29. *Юсова Н.* Питання «спільноруськості» Київської Русі в дискусії з проблеми українського націогенезу в українському середовищі Галичини та еміграції початку 30-х рр. XX ст. // *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр.* Київ: Інститут історії України НАН України, 2004. Вип. 12. С. 295–320.
30. *Юсова Н.* Питання щодо «спільноруськості» Київської Русі у доробку Мирона Кордуби // *Україна в Центрально-Східній Європі: Зб. наук. пр.* Київ: Інститут історії України НАН України, 2004. Вип. 4. С. 383–401.

Поступила в редакцію 30.06.2021

Дербин Евгений Николаевич, кандидат исторических наук
426075, Россия, г. Ижевск, ул. Союзная, 63а
E-mail: derbin80@mail.ru

E.N. Derbin

DISCUSSION ON THE ISSUE «OTKUDU EST' POSHLA RUSKAYA ZEMLYA... I OTKUDU RUSKAYA ZEMLYA STALA EST'» IN THE UKRAINIAN EMIGRANT HISTORIOGRAPHY OF THE EARLY 1930s

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-55-64

The article analyzes the discussion on the formation of the Ukrainian nation, which took place at the initiative of the Ukrainian Historical and Philological Society in Prague in the early 1930s and associated with criticism of the views of Miron Korduba. The ideological, not scientific, positions of the opponents of Korduba are revealed. The course of the discussion and its stages have been clarified. It was established that Korduba had supporters among Ukrainian historians, and not just opponents. Ukrainian emigrant historiography, concentrated at that time in Czechoslovakia, Germany and Poland, demonstratively tried to act as a united front with the point of view that the Ukrainian nation was already formed as part of Kievan Rus' and that the history of the ancient Russian state belongs only to Ukrainians. Korduba's opinion was about an all-Russian state and a single cultural sphere of the Eastern Slavs in antiquity, when the nations had not yet formed. He believed, based on historical facts, that the Ukrainians, as a separate nation, emerged in the XIV century as part of the Lithuanian state.

Keywords: Ukrainian emigrant historiography, Ukrainian Historical and Philological Society in Prague, M. Korduba, Kievan Rus', formation of the Ukrainian nation.

REFERENCES

1. *Andrusyak M.* Korduba M. Die Entstehung der ukrainischen Nation [Korduba M. Origin of Ukrainian nation]. *Kwartalnik Historyczny* [Historical Quarterly], 1934, no. 1, pp. 121–126. (In Polish).
2. *Volkonskij A. M.* Imya Rusi v domongol'skuyu poru [The name of Rus' in pre - Mongol times]. Prague, Edinstvo Publ., 1929, 28 p. (In Russian).
3. *Dobrynin V.* Ob ukrainskom dvizhenii [About the Ukrainian movement]. *Edinstvo* [Unity], 1931, March 20, p. 4. (In Russian).
4. *Zaikin V.* Rus', Ukraina i Velikorossiya [Rus, Ukraine and Great Russia]. *Dzvony* [Ringings], 1931, no. 1, pp. 19–29, no. 2, pp. 122–126, no. 3, pp. 206–211. (In Ukrainian).
5. *Korduba M.* V oboroni istorichnoi pravdy [In the defensive of historical true]. *Literaturno-naukovyi vistnyk* [Literary-scientific vistnik], 1931, vol. 106, no. 5, pp. 424–438. (In Ukrainian).
6. *Korduba M.* Die Entstehung der Ukrainen Nation [The emergence of the Ukrainian nation]. *Contributions à l'histoire de l'Ukraine au VII-e Congrès international des sciences historiques* [Contributions to the history of Ukraine at the VII-th International Congress of Historical Sciences]. Lviv, 1933, pp. 19–67. [In German].
7. *Korduba M.* Kilka uwag w kwestji genezy narodowości białoruskiej [A few remarks on the genesis of Belarusian nationality]. *Sprawy Narodowościowe* [National Issues], 1932, no. 2–3, pp. 203–217. (In Polish).
8. *Korduba M.* Naivazhnishyi moment v istorii Ukrainy [The most difficult moment in the history of Ukraine]. *Ukrainskyi istorichnyi zhurnal* [Ukrainian historical magazine], 2016, no. 4, pp. 173–184. (In Ukrainian).
9. *Korduba M.* Pochatky ukrainskoi natsii [The beginning of the Ukrainian nation]. *Dilo* [Business], 1930, no. 286, pp. 2–3. (In Ukrainian).
10. *Korduba M.* Shehe v spravi pochatkiv ukrainskoi natsii [Still in the case of the beginnings of the Ukrainian nation]. *Dilo* [Business], 1931, no. 8, p. 4. (In Ukrainian).
11. *Korduba M.* Shehe kilka sliv u spravi «Naivazhnishoho momentu v istorii Ukrainy» [A few more words on the case of «The most difficult moment in the history of Ukraine»]. *Literaturno-naukovyi vistnyk* [Literary-scientific vistnik], 1931, vol. 107, no. 10, pp. 902–903. (In Ukrainian).
12. *Korduba M.* Shehe pro naivazhnishyi moment v istorii Ukrainy [More about the most difficult moment in the history of Ukraine]. *Dilo* [Business], 1931, no. 36, p. 2, no. 37, pp. 2–3. (In Ukrainian).
13. *Kostruba T.* Otkoudu yest poshla ruskaia zemlia [Where did the Russian land come from]. *Zapysky chyna sv. Vasyliia Velykoho* [Analecta ordinis sv. Basilii Magni], 1932, vol. 4, no. 1–2, pp. 368–371. (In Ukrainian).
14. *Otkoudu yest poshla ruskaia zemlia* [Where did the Russian land come from]. Prague, *Ukrainske istorichno-filolohichne tovarystvo*, 1931, 30 p. (In Ukrainian).
15. *Richne spravozdannia* Ukrainskoho istorichno-filolohichnoho tovarystva v Prazi. Rik vosmyi (1930–1931) [Annual report of the Ukrainian Historical and Philological Society in Prague. The eighth year (1930–1931)]. Prague, *Ukrainske istorichno-filolohichne tovarystvo*, 1931, 32 p. (In Ukrainian).
16. *Smal-Stotskyi S.* «Naivazhnishyi moment v istorii Ukrainy» [«The most difficult moment in the history of Ukraine»]. *Literaturno-naukovyi vistnyk* [Literary-scientific vistnik], 1931, vol. 107, no. 9, pp. 786–805. (In Ukrainian).
17. *Stankiewicz J.* Czas powstania narodów białoruskiego i ukraińskiego [The time of the formation of the Belarusian and Ukrainian peoples]. *Sprawy Narodowościowe* [National Issues], 1931, no. 4–5, pp. 444–453, no. 6, pp. 601–612. (In Polish).
18. *Telvak V.* Ostannia pratsia Myrona Korduby pro Mykhaila Hrushevskoho [The last work of Miron Korduba about Mikhaïl Grushevsky]. *Ukrainskyi arkheohrafichnyi shchorichnyk. Nova seriia* [Ukrainian archeographic yearbook. New series]. Kyiv, Institute of Ukrainian archeography and source studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2020, vol. 26/27, no. 23/24, pp. 149–152. (In Ukrainian).
19. *Froyanov I. YA.* Kievskaya Rus': Ocherki otechestvennoj istoriografii [Kievan Rus: Essays of Russian Historiography]. Leningrad, Leningrad University Press, 1990, 328 p. (In Russian).
20. *Chekhovych K.* Do diskusii pro pochatky ukrainskoi natsii [To the discussion about the beginning of the Ukrainian nation]. *Dilo* [Business], 1931, no. 33, pp. 2–3. (In Ukrainian).
21. *Chekhovych K.* Pochatky ukrainskoi natsii [The beginning of the Ukrainian nation]. *Literaturno-naukovyi vistnyk* [Literary-scientific vistnik], 1931, vol. 105, no. 4, pp. 349–358. (In Ukrainian).
22. *Chekhovych K.* Pochatky ukrainskoi natsii [The beginning of the Ukrainian nation]. *Dilo* [Business], 1930, no. 275, p. 2. (In Ukrainian).
23. *Chekhovych K.* Pochatky ukrainskoi natsii (U vidpovid d-rovi M. Kordubi) [The beginning of the Ukrainian nation]. *Dilo* [Business], 1931, no. 5, pp. 2–3. (In Ukrainian).
24. *Chubatyi M.* Do pytannia pro pochatky ukrainskoi natsii [On the question of the origins of the Ukrainian nation]. *Dilo* [Business], 1931, no. 15, pp. 2–3, no. 16, p. 2, no. 17, p. 2, no. 18, p. 2, no. 19, p. 2. (In Ukrainian).
25. *Chubatyi M.* Kniazha Rus-Ukraina ta vynykennia trokh skhidnoslovianskykh natsii [Medieval Rus'-Ukraine and the emergence of three East-Slav nations]. New York, Paris, The Organization for Defense of Four Freedoms of Ukraine, 1964, 159 p. (In Ukrainian).

26. *Chubatyi M.* Sheche deshcho pro pochatky ukrainskoi natsii [Something else about the beginning of the Ukrainian nation]. *Dilo* [Business], 1931, no. 47, pp. 2–3, no. 48, pp. 2–3. (In Ukrainian).
27. *Yusova N.* Henezys kontseptsii davnoruskoi narodnosti v istorychnii nauksi SRSR (1930-ti — persha polovyna 1940-kh rr.) [Genesis of the concept of the old Russian nation in the historical science of the USSR (1930s–first half of the 1940s)]. Vinnytsia, Konsol Publ., 2005, 545 p. (In Ukrainian).
28. *Yusova N.* Mirkuvannia Myrona Korduby stosovno chasu i obstavyn utvorennia ukrainskoi narodnosti [Myron Korduba's reasoning on the time and circumstances of the formation of the Ukrainian nation]. *Ukraina Lithuanica: studii z istorii Velykoho kniazivstva Lytovskoho* [Ukraina Lithuanica: Studios on the history of the Grand Duchy of Lithuania]. Kyiv, Institute of history of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2009, vol. 1, pp. 197–215. (In Ukrainian).
29. *Yusova N.* Pytannia «spilnoruskosti» Kyivskoi Rusi v dyskusii z problemy ukrainskoho natsiohenezu v ukrainskomu seredovyshchi Halychyny ta emihratsii pochatku 30-kh rr. XX st. [Yusova N. Voprosy «common Russian» of Kievan Rus in a discussion on the problem of Ukrainian nationogenesis in the Ukrainian environment of Galicia and emigration of the early 30s of the XX century]. *Problemy istorii Ukrainy: fakty, sudzhennia, poshuky* [Problems of the history of Ukraine: facts, judgment, search]. Kyiv, Institute of history of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2004, vol. 12, pp. 295–320. (In Ukrainian).
30. *Yusova N.* Pytannia shchodo «spilnoruskosti» Kyivskoi Rusi u dorobku Myrona Korduby [The question of the «common Russian» of Kievan Rus in the legacy of Myron Korduba]. *Ukraina v Tsentralno-Skhidnii Yevropi* [Ukraine in Central and Eastern Europe]. Kyiv, Institute of history of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2004, vol. 4, pp. 383–401. (In Ukrainian).

Received 30.06.2021

Derbin E.N., Candidate of History
Soyuznaya st., 63a, Izhevsk, Russia, 426075
E-mail: derbin80@mail.ru